

© 2004 г.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АВЕРИНЦЕВА (1937–2004)

21 февраля 2004 г. в неполных 67 лет, после долгой и тяжелой болезни умер академик Сергей Сергеевич Аверинцев, историк и филолог.

Конечно, он был гораздо больше, чем филолог. На нынешнем языке следовало бы сказать: культуролог. Но это слишком нынешнее слово, и Аверинцев его не любил. Не в последнюю очередь потому, что в нем не было той этимологии, которая есть в слове «Филология». Филология – значит любовь к слову. Из всех русских «-логий» это единственная, в которой есть корень «любовь». Это и придает этой науке особое измерение – человеческое, о котором Аверинцев всегда помнил и много раз писал.

Он закончил классическое отделение филологического факультета МГУ, работал в Институте истории и теории искусств АН СССР (1965–1971), потом много лет в Институте мировой литературы (1971–1991), заведовал там сектором античной литературы. С 1991 г. он заведовал отделением Института истории мировой культуры при МГУ и преподавал там на философском факультете, с 1994 г. был профессором в Институте славистики Венского университета. Круг его занятий непрерывно расширялся. Его кандидатская диссертация вышла под заглавием «Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра» (1973), докторская – «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977), третья книга называлась «От берегов Босфора до берегов Евфрата» (1987) – о христианском культурном интернационале I тысячелетия н.э. Параллельно, как что-то саморазумеющееся, раскрывалась Европа, от Юнга, Шпенглера и Хейзинги и до Брентано и Си-Эс Льюиса, и Россия, до Мандельштама и Вячеслава Иванова. Малая часть этих статей о самоопределении европейской культуры составила сборники «Риторика и истоки европейской литературной традиции» (1996) и «Поэты» (1996). Длинный

ряд его переводов начинался гимнами Каллимаха, продолжался «Тимеем» Платона и кончался книгой Иова, стихами Ефрема Сирина и синоптическими Евангелиями.

Стало общим местом утверждать, что в книге «Поэтика ранневизантийской литературы» заглавие было маскировочным и что на самом деле речь в ней шла не о поэтике, а о духовности, и не о византийской, а о христианской. Это не так: Аверинцев очень хорошо знал разницу понятий и в книге о поэтике писал именно о поэтике – конечно, во всех ее соотношениях со смежными областями культуры. Он говорил: «История духа и история форм духа – разные вещи: христианство хотело быть новым в истории духа, но нимало не рвалось быть новым в истории таких его форм, как риторика». Причастность к заслесному духу культуры и к словесным формам этого духа сосуществовали в нем, не подменяя друг друга. Духовность раскрывается нам только через словесность. И понять слово, несущее духовность, можно только через склонения риторики и спряжения поэтики. Их недостаточно чувствовать: им нужно учиться. Не случайно он положил так много сил на реабилитацию риторики: рационалистическая традиция европейской риторики была для него залогом человеческого взаимопонимания. Выразиться иррационально, пользоваться словом для заклинания и гипноза – это значит употреблять слово не по настоящему назначению. Он говорил: «Нынче в обществе нарастает нелюбовь к двум вещам: к логике и к ближнему своему» – это вещи взаимосвязанные.

Однако время было такое, что этот рационалистический пафос его книг, статей и лекций был мало кем воспринят. У Аверинцева было редчайшее качество, которое знали только близкие собеседники: он точно знал во всякий момент, говорит ли он как человек мыслящий, с доказательствами, или как человек чувствующий, с убеждением. В публичных выступлениях оно терялось. Его аудитория, утомленная позднесоветской догматичностью, пленялась иррациональной одушевленностью и пропускала мимо уха рациональную строгость. В предисловии к книге «Поэты» он писал: «Я надеюсь, что читатель не причтет меня к числу заклинателей и гипнотизеров от гуманитарии – хотя бы потому, что у меня нет той нечеловеческой уверенности в себе, которая обличает последних». Но молодые слушатели, стекавшиеся на его выступления, радовались подпасть именно такому гипнозу. Сам он совсем не был этому рад. Он говорил: «Кончая лекцию, мне всегда хочется сказать: а может быть, все совсем наоборот». Но он понимал, что и это нужно людям. Он писал: «История литературы – не просто предмет познания, но одновременно шанс дышать "большим временем", вместо того чтобы задыхаться в малом». Вот это ощущение дыхания большого времени передавалось аудитории безошибочно. Аверинцев очень хорошо говорил – так, как только и можно при таком ощущении ответственности перед словом. «При советской власти так хорошо говорить уже было диссидентством», – писал младший современник.

Он не ограничивался научной деятельностью. В годы перестройки он был депутатом последнего Верховного Совета СССР, в последние свои годы он выступал с проповедями на религиозные темы. Для тех, кто читал и слушал его в 1970–1980-е годы, он остался больше, чем ученым, – учителем мысли и учителем жизни. Те, кто пришел позже, уже отвергают его как последнее воплощение отошедшего прошлого. Но для науки эти сменяющиеся моды безразличны. Сергей Сергеевич Аверинцев был и остается большим ученым – классиком той филологии, которая обязана быть человеческой наукой о человеческой культуре.

М.Л. Гаспаров